

Сяо Яо пришел к выводу, что у Бай Цзю какое-то свое, превратное представление о собственной внешности.

Если бы нормальные псы-ёкуи при неполном обращении в человеческий облик выглядели не слишком-то презентабельно, то не до конца обернувшийся Бай Цзю походил бы на какого-то порочного демона, вытягивающего из людей жизненные силы.

Белоснежные, слегка вьющиеся волосы рассыпались по поясу, в глубоких персиковых глазах таилась бездна, а резкие, хищные линии губ придавали лицу агрессивное выражение.

Ни черты лица, ни фигура не были испорчены изъянами: правильные, глубокие черты, прямая осанка, широкие плечи, узкая талия, длинные и сильные конечности. Рельефная, мускулистая плоть цвета слоновой кости, казалось, источала металлический и нефритовый блеск, скрываясь под небрежно наброшенной белой меховой накидкой.

Взгляд Сяо Яо невольно скользнул ниже, вдоль пресса Бай Цзю, выглядывающего в зазорах меха, и остановился на поясе серо-белых кожаных штанов.

Хорошо хоть этот старый пёс не забыл надеть штаны, — легкомысленно подумал Сяо Яо. Надень он еще и их, и Сяо Яо наверняка решил бы, что перед ним вовсе не пес-ёкуй, а какой-нибудь лисий демон.

Из тех, что специально выходят наружу, чтобы соблазнять ученых мужей.

Облик, который принял Бай Цзю, идеально соответствовал человеческим представлениям о красоте. Если в нем и осталось что-то от собачьей природы, так это только цвет волос да ржаво-красные отметины, змейкой спускавшиеся от правого внешнего уголка глаза по половине лица.

Необычайная, демоническая сущность чудовища тонко переплеталась с божественностью, рожденной накопленными заслугами. И эта безумная притягательность, едва успев вспыхнуть, тут же гасла под чистым, ясным взглядом глаз Бай Цзю. Абсолютная, доведенная до крайности противоречивость лишь многократно усиливала его чары.

Он походил на ходячую установку по производству гормонов, бессистемно расстреливающую всех вокруг.

Сяо Яо чуть не задохнулся.

Грех-то какой, грех! Прошлой ночью он спал в обнимку с этим великим соблазнителем? Обнимал за шею, терся о живот и наглаживал собачью голову? Почему он не догадался пощупать что-нибудь еще?

Обернись он полностью в человека, сцену пришлось бы замазывать цензурой.

В голове у Сяо Яо творился полный кавардак, и стоило этому хаосу улечься, как внутри осталось лишь жалкое «и-и-и».

Положа руку на сердце, Сяо Яо вовсе не был железобетонным натуралистом, а удар от столь потрясающего вида Бай Цзю пришелся прямо ему в сердце.

Возможно, Сяо Яо замер слишком надолго: Бай Цзю слегка склонил голову набок, и в его глазах отчетливо мелькнула паника. Он чуть подался вперед, робко протянул руку, чтобы погладить парня по голове, и низко, утешающе проворковал: — Что такое... почему ты снова плачешь? Я тебя напугал?

...И эти клыки. А после обращения в человека этот низкий голос зазвучал прямо над ухом.

Бам! Второе попадание точно в яблочко.

Только-только пришедший в себя Сяо Яо снова растаял на месте.

Бай Цзю осторожно опустил ладони на макушку Сяо Яо.

Ну слава богу, дает себя погладить — значит, испугался не слишком сильно.

Сердце старого пса вернулось на место, и он ласково потрепал мягкие волосы человеческого юноши.

Сам Старый Пёс Бай относился к своей внешности весьма философски: пугает так пугает, в конце концов, можно прикинуться послушной собачкой. Ничего страшного, что человеческий облик наводит ужас, в крайнем случае, в своем обычном виде белого пса он нравился людям куда больше.

— Ничего страшного, раз не удастся это скрыть, пусть так и будет. Лучше всего притворюсь твоим домашним питомцем, — Бай Цзю подумал, что человеческие волосы наощупь очень приятные, и не удержался от того, чтобы погладить их еще пару раз. — Раньше я пугал многих горных жителей, так что ты отлично держишься, раз не убежал... Не бери в голову.

К Сяо Яо вернулся здравый рассудок, и, ощутив большую руку на своей голове, он с досадой качнул головой, уворачиваясь от ладони Бай Цзю.

У этого старого пса совершенно не было чувства личных границ: принимать такие интимные позы в человеческом обличье для того, кто балансирует на грани между парнями и девушками, было слишком сильным потрясением.

— Царь Бай... — с горькой усмешкой произнес Сяо Яо. — Ты очень красивый, вовсе не страшный.

Даже не красивый, а ослепительный. Не будь на его щеках этих странных красных отметин, Бай Цзю вполне мог бы сойти за восточную версию Аполлона: стоило бы выложить его фото в сеть, как он тут же дебютировал бы на главных позициях.

Сяо Яо прекрасно понимал, почему деревенские жители сторонились Бай Цзю: дело было вовсе не в том, что они никогда не видели рыжеволосых и зеленоглазых чужеземцев, и тем более молодых людей с такими глубокими чертами лица и белыми волосами, как у него. К тому же эти красные следы на лице Бай Цзю подозрительно напоминали клеймо каторжника, прошедшего через пытку раскаленным железом. Как бы то ни было, любые необычные черты заставляли невежественных крестьян считать его инородным элементом.

Бай Цзю приподнял бровь и убрал руку. А этот человек за него заступается.

Но Старый Пёс Бай всё же прямолинейно усомнился в словах человеческого юноши: — Я красивый? Но ведь я довел тебя до слез.

Помолчав, Бай Цзю добавил с железной логикой: — Я слышал твой внутренний голос. Сердцебиение пса не обманет.

Сяо Яо изо всех сил постарался успокоиться, решив, что у этого старого пса либо проблемы со вкусом, либо кто-то основательно запудрил ему мозги: — Царь Бай, брат Бай, с чего ты вообще решил, что выглядишь жутко? Ты же невероятно хорош собой.

Бай Цзю медленно моргнул, немного подумал и ответил: — Раньше горные жители, которые видели мое обращение, всегда убегали.

Они охотно подкармливали меня в истинном облике, охотно ластились, дети играли со мной, а охотники и дровосеки даже брали с собой на промысел.

Но стоило мне принять человеческий облик, как они переставали приближаться ко мне. — Бай Цзю и сам слегка недоумевал. Сложив руки на груди, он мысленно перебрал детали и подтвердил: — Верно... стоило мне обернуться, как они наотрез отказывались пускать меня в дом и кричали, что я ёкуй.

Бросались камнями, яйцами и спускали собак. Правда, те собаки неизменно поджимали хвосты и с визгом уносились прочь.

Сяо Яо: — ...

Да, они кричали тебе «ёкуй», а не «гуай».

Кричат «гуай», когда считают тебя уродом и пугающим чудовищем, шлындающим повсюду; кричат «ёкуй», когда находят тебя красивым, но распутным, опасаясь, что их жены сбегут с тобой.

Сяо Яо чувствовал, что объяснить это Бай Цзю будет непросто.

Бай Цзю же, скрестив руки, наблюдал за глубоко задумавшимся Сяо Яо, находя, что заботы человеческого юноши о нем доставляют ему немалое удовольствие.

Поэтому Бай Цзю снова протянул руку, потрепал Сяо Яо по голове и небрежно бросил: — Пустяки... Я верю тебе.

Сяо Яо вовсе не презирает его прикосновения, это Бай Цзю прекрасно видел.

У современных людей изменились вкусы: никто больше не носит халаты, девицы смело обнажают руки и ноги; парни одеваются щегольски, а девушки скромно; на улицах днем с огнем не сыщешь бородатых мужиков; а по телевизорам всюду скачут молодые парни с белыми, фиолетовыми и розовыми волосами.

Бай Цзю подумал, что современные люди, пожалуй, действительно не сочтут его внешность пугающей. А если он и впрямь напугает кого-то на улице, то просто забьется в какой-нибудь угол, превратится в собаку и сам выйдет погулять, зажав в зубах поводок.

В общем, не стоит давить на этого человеческого юношу.

Бай Цзю опустил голову, легко боднув Сяо Яо лбом, и с улыбкой произнес: — Раз уж я иду с тобой в таком виде, тебе придется меня вести... Хватит хлюпать носом, м?

Сяо Яо судорожно втянул воздух.

Вместе с движением Бай Цзю вьющиеся пряди скользнули по его щеке, чуть ли не запирая юношу в коконе из дыхания этого создания.

Сяо Яо мысленно завопил «а-а-а», мысленно вжался ногами в пол и торопливо замахал руками, пытаясь оттолкнуть Бай Цзю: — Царь Бай! Слишком, слишком близко! А!

Бай Цзю на секунду растерялся: толчки юноши напоминали щекотку, и хотя он не ощущал никакого реального сопротивления, из вежливости всё же чуть отступил назад, подчиняясь движению Сяо Яо: — Что такое?

Сяо Яо совершенно не мог скрыть легкий румянец, расплывшийся от самой шеи. Собравшись с мыслями, он ухватился за пару главных моментов: — Я не хлюпал носом — я имел в виду,

Царь Бай, что тебе нельзя выходить на улицу в таком виде.

Бай Цзю решил, что человек упрямится понапрасну: — Я же ясно слышал, как ты плакал.

Сяо Яо: — ...

Вспомнив утренний неловкий разговор, Сяо Яо с лицом, выражающим крайнюю степень боли, провел ладонью по лицу и решил просветить великого властелина насчет «и-и-и»: — Это нельзя назвать плачем. Вернее, не совсем плачем.

Современная молодежь использует это «и-и-и», когда кокетничает или выражает симпатию.

Бай Цзю наострил уши, чутко уловив суть, и сердце старого пса неожиданно затрепетало: — М-м... кокетничает?

Сяо Яо подавился воздухом, сообразив, что ему следовало бы уточнить: мол, издавал такие звуки исключительно потому, что внешность Бай Цзю пришлась ему по вкусу. Но стоило ему представить, как он произносит в лицо Бай Цзю это «нравится»... стиснув зубы, он кивнул: — Да, ко... кокетничает. — Произнести такое оказалось и впрямь трудновато.

Уголки губ Бай Цзю поползли вверх, обнажая кончики ослепительно-белых зубов: — Хороший мальчик.

Старый Пёс Бай раздулся от гордости настолько, что потерял счет реальности. Щурясь от удовольствия, он загреб человека в охапку и принялся усердно трепать по макушке: — Умничка, теперь можешь кокетничать со мной сколько угодно... Я гожусь тебе в старшие братья по возрасту, до отцовских лет мне далеко, так что могу признать тебя братом. С этих пор забота старшего брата о младшем — дело вполне естественное.

К черту временного опекуна! Получив порцию кокетства от такого юноши, Бай Цзю растаял окончательно, и будь он в истинном облике, его хвост взвился бы до небес. Какое там временное опекунство — он готов опекать этого человека всю жизнь.

В глубине души Старый Пёс Бай страстно жаждал о ком-то заботиться, иначе с чего бы ему по воле случая опекать стайку младших братьев, пока он не стал царем ёкуев, и с чего бы ему защищать деревенских жителей до тех пор, пока его не стали почитать как некоего полубожка?

Вот только прежние братья и крестьяне питали к нему слишком много почтения и недостаточно фамиллярности. Детишки льнули к нему, но совершенно не понимали его. Стоя на недостижимой высоте, Старый Пёс Бай во сне видел, как обзаведется младшим братом или послушным сыном, которого будет растить под своим крылом, а тот станет полагаться на него, восхищаться им, любить его и время от времени пытаться бросить ему вызов.

Появление Сяо Яо случайно попало ровно по всем пунктам сокровенных желаний Старого Пса Бая... хотя большую их часть Бай Цзю просто додумал сам.

Короче говоря, Бай Цзю, он же Старый Пёс Бай, виляя хвостом, заключил человеческого юношу в круг своего доверия, поставил метку и молча признал эту нерушимую связь.

Бай Цзю с довольным видом прижал к себе человеческого юношу, и крепкие руки ничуть не ослабили хватку, несмотря на попытки Сяо Яо оттолкнуть его. Наклонив голову, он потерся носом о макушку человека, а голос его звучал мягко и баюкающе: — Если тебя обидят, обязательно скажи брату. Если столкнешься с трудностями, тоже не забывай мне рассказывать... Когда я освою современный образ жизни, я непременно стану заботиться о тебе как положено.

Побормотав еще немного, Старый Пёс Бай решил, что его скудного словарного запаса не хватит для описания столь счастливого будущего, и подвел итог: — В общем, теперь тебе есть кому поплакаться, не придется тянуть лямку в одиночку.

Руки Сяо Яо, спешно пытавшиеся отстранить демона, замерли на полуслове.

Пальцы судорожно сжались, впиваясь в мех на груди Бай Цзю; мягкие белые ворсинки выбивались между суставами, источая тепло и какую-то глуповатую нежность.

То, что нес этот старый пёс, звучало чертовски прекрасно.

Сяо Яо с размаху уткнулся лбом в ключицу Бай Цзю, и глаза мгновенно защищало от подступившей жары.

Он шмыгнул носом: — Брат Бай...

Бай Цзю вильнул хвостом: — М? Счастлив?

Сяо Яо: — ...Твоя одежда просто ужасна.

Сяо Яо вытер лицо о кожу Бай Цзю: — Я веду тебя покупать новую одежду.

<http://bllate.org/book/19743/1941763>